

УДК 343

**Уголовно-правовая юрисдикция государств в отношении лиц,
чья экстрадиция оказалась невозможной****Шайбакова К.Д.**Аспирантка кафедры уголовного права и криминологии
Казанского (Привожского) федерального университета

Рассматриваются существующие основания в международном и уголовном праве для привлечения лица к уголовной ответственности.

Приводятся примеры «объективных причин», по которым экстрадиция не может состояться, практика Европейского Суда по правам человека является основным, но не единственным источником. Дается сравнительно-правовой аспект и примеры правовых систем Дании и Нидерландов. Делается вывод, что передача уголовно-правовой юрисдикции двусторонним соглашением в случаях, когда экстрадиция не представляется возможной, является приемлемым решением правовой коллизии.

Ключевые слова: выдача лиц, совершивших преступление, экстрадиция, Европейский Суд по правам человека, пытки, бесчеловечное отношение, юрисдикция, ООН, Россия, Дания, Нидерланды.

В соответствии со ст. 12 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), Российская Федерация может осуществлять свою юрисдикцию, основываясь на территориальном принципе [1, ст. 11, п. 1], то есть если преступление совершено по общему правилу на территории РФ, включая территориальные воды, воздушное пространство, континентальный шельф [1, ст. 11, п. 2], воздушные и морские суда [1, ст. 11, п. 3]. Россия также может претендовать на осуществление уголовно-правовой юрисдикции по принципу гражданства или постоянного местонахождения преступника [1, ст. 12, п. 1] и/или жертвы [1, ст. 12, п. 3], а также на основе принципа защиты национальных интересов [1, ст. 12, п. 3]. Кроме того, существуют условия для осуществления универсальной юрисдикции. В соответствии с принципом универсальной юрисдикции, любое государство может осуществлять юрисдикцию в отношении тех деяний, которые являются опасными для международного сообщества в целом. Примером таких деяний являются: пиратство и военные преступления, геноцид, преступления против мира и человечества. Однако международный договор может расширить этот список другими преступлениями. Некоторые ученые выделяют особый вид юрисдикции, не

приравнивая его к общепринятой универсальной юрисдикции [2, с. 593], называя ее «квази-универсальной» [2, с. 598]. Судьи Международного Суда ООН Хиггинс Коойманс и Бюргенталь в Отдельном мнении по делу Конго против Бельгии высказали мысль, что данная юрисдикция является, скорее, возможностью установления территориальной юрисдикции над лицами за события, произошедшие за пределами границы, чем настоящей универсальной юрисдикцией [3]. Примером таких международных договоров с квази-универсальной юрисдикцией являются: Международная конвенция ООН о борьбе с захватом заложников [4, ст. 5, п. 2], Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма [5, ст. 10, п. 2], Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом [6, ст. 8, п. 1], Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [7, ст. 5, п. 2] и ряд других. В перечисленных примерах, действует принцип *aut dedere aut judicare*, который можно перевести как «либо выдай, либо предай суду» [8]. Данный принцип означает, что, если предполагаемый преступник оказался на территории государства, такое государство обязано либо инициировать следствие и осуще-

ствить правосудие, либо выдать государству, которое предоставило соответствующий запрос о выдаче.

Таким образом, вышеперечисленный перечень является исчерпывающим для осуществления уголовно-правовой юрисдикции и применения уголовного законодательства РФ.

Однако на практике возникают случаи, когда юрисдикционную связь предполагаемого преступника с РФ невозможно установить. В данных случаях, как правило, государство с юрисдикцией в отношении этого преступления или преступника, или жертвы может направить запрос с просьбой о выдаче данного лица в запрашиваемое государство. На первый взгляд процедура проста и является достаточно разработанной в практике. Тем не менее зачастую на практике возникают сложности в осуществлении данного запроса о выдаче.

В основном такие сложности связаны с защитой прав предполагаемого преступника, в особенности, если существует угроза пыток, бесчеловечного и унижающего достоинства отношения в запрашивающем государстве. Такие дела достаточно часто рассматриваются перед Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) в Страсбурге. Наиболее цитируемым кейсом в данном контексте является дело *Soering v. United Kingdom*, где ЕСПЧ установил, что государство будет считаться нарушившим свои обязательства по ст. 3 Европейской конвенции по правам человека, если выдаст лицо в государство, где существует реальная угроза бесчеловечного отношения, пыток или унижения достоинства заявителя [9, п. 99]. Со времен дела *Soering v. United Kingdom* [9] практика ЕСПЧ стала более обширной и подробной в отношении вышеупомянутых дел. Российская Федерация все чаще становится ответчиком в таких делах: Рябикин против России (*Ryabikin v. Russia*) 2008 г. [10], Муминов против России (*Muminov v. Russia*) 2008 г. [11], Клейн против Российской Федерации (*Klein v. Russia*) 2010 г. [12], Хайдаров против России (*Khaydarov v. Russia*) 2010 г. [13], Шамаев и другие против Грузии и России (*Shamayev and Others v. Georgia and Russia*) 2005 г. [14], Колесник против России (*Kolesnik v. Russia*) 2010 г. [15], Гарабаев против России (*Garabayev v. Russia*) 2005 г. [16].

В практике ЕСПЧ применяется институт дипломатических гарантий в экстрадиционных делах, когда выдаваемое лицо может быть подвергнуто пыткам в запрашивающем государстве. Обычно официальные лица или сотрудники министерств направляют официальные бумаги, где дают гарантии, что выдаваемое лицо не будет подвергнуто запрещенным практикам. Тем не менее зачастую в отсутствие эффективных механизмов защиты такие гарантии не воспринимаются ЕСПЧ как гарантии, заслуживающие доверия.

ЕСПЧ в деле *Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom* обобщил предыдущую практику своих дел

и вывел некоторые условия, когда дипломатические гарантии будут считаться заслуживающими доверия и надежными. Так, например, для суда важно: являются ли условия дипломатических гарантий подробными или обобщенными, кем даны гарантии, двусторонняя практика и дипломатические отношения между запрашивающим и запрашиваемым государством, может ли соблюдение гарантий быть проверено, в том числе путем предоставления суду допуска к адвокату заявителя, существует ли эффективная система защиты против пыток в запрашивающем государстве, было ли запрашиваемое лицо ранее подвергнуто пыткам в запрашивающем государстве и другие [17, п. 189].

Как мы можем видеть, если в запрашивающем государстве существует малейший, но реальный риск пыток или другого бесчеловечного отношения, то выдача лица не может быть осуществлена [18, с. 369]. Представленный ЕСПЧ список условий, при которых дипломатические гарантии могут считаться заслуживающими доверия, достаточно широк и, безусловно, направлен на сведение риска пытки к минимуму. Тем не менее, большинство государств на том или ином этапе, как говорится в отчете *Amnesty International*, использует те или иные способы допроса, которые не совместимы со ст. 3 Европейской конвенции и Международной конвенции ООН о пытках [19].

Таким образом, экстрадиционные возможности государства, в котором находится лицо, выдача которого не представляется возможной, лимитированы. Так, если у государства отсутствует юрисдикционная связь с преступлением, предполагаемым преступником или жертвой, то, в соответствии с уголовным законодательством РФ, оно не имеет юридических оснований привлечь данное лицо к ответственности. Конечно, существуют другие способы восстановить юрисдикционную связь предполагаемого преступника, например, третье государство может подать запрос о выдаче данного лица. Иногда государства прибегают к запрещенным похищениям, когда лицо насильно или под угрозами вывозится с территории государства. Однако мы не будем подробно рассматривать данные случаи, так как они не являются объектом нашего исследования в данной статье.

Несмотря на вышесказанное, уголовные кодексы ряда европейских стран содержат положения, которые расширяют сферу уголовного законодательства на те преступления, которые не были совершены на территории РФ, и не существует явно юрисдикционной связи между государством, где лицо находится, и между запрашиваемым лицом [20, с. 212].

Так, УК Дании говорит о том, что деяния, совершенные вне пределов территории, независимо от гражданства, подпадают под действие Кодекса, если передача обвиняемого для ведения судопроизвод-

ства в другой стране отклонена, и деяние, если оно совершено на территории признанной международным правом в качестве принадлежащей иностранному государству, наказуемо, в соответствии с Датским законом, если деяние наказуемо приговором более строгим, чем 1 год тюремного заключения [21]. На наш взгляд, в соответствии с буквальным толкованием, если ЕСПЧ запретил выдачу лица, то, в соответствии с датским законодательством, такое лицо может быть преследовано по закону Дании.

Институт передачи юрисдикции достаточно известен в международном праве, когда государство передает дело для рассмотрения в международный судебный орган, такой как Международный Суд ООН или Международный уголовный суд. Однако такая передача юрисдикции является объектом некоторых условий, как, например, субсидиарности [22].

Практика, применяемая Данией, на первый взгляд является единственным выходом из ситуации, когда выдача не может быть осуществлена по объективным причинам. Однако при таком исходе может возникнуть множество практических сложностей, как осуществление процессуальных действий. Однако УПК РФ содержит соответствующие нормы, регулирующие международное сотрудничество в получении доказательств, «допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий» [23, ст. 453, п. 1]. Доказательства, полученные на территории иностранного государства его должностными лицами, пользуются такой же юридической силой, как если бы они были получены на территории Российской Федерации [23, ст. 455].

На наш взгляд, положение, закрепленное в УК Дании, можно считать приемлемым решением для попытки искоренения бегства от правосудия. Экстрадиция, традиционно, была создана для того, чтобы привлечь беглых преступников к правосудию. Однако с развитием международного и уголовного права методы предположительных преступников также становятся более изощренными, как показывает современная практика правоохранительных органов. Несмотря на практические сложности и дороговизну такого сотрудничества, в рамках передачи уголовно-правовой юрисдикции данная норма имеет свою ценность.

Стоит отметить, что такая передача юрисдикции должна осуществляться на *ad hoc* базе, то есть юрисдикция должна быть установлена для каждого конкретного дела. Это особенно важно ввиду важнейших принципов международного права, а именно, невмешательства во внутренние дела государств, нерушимость суверенитета и др. [24]. Таким образом, более приемлемой можно считать голландскую модель, которая предполагает передачу юрисдикции для осуществления уголовно-правового преследования на основании двустороннего или

многостороннего договора. В тексте УК Нидерландов употреблено слово «*treaty*», данное положение может трактоваться двояко: рассматривая «*treaty*», как многосторонний договор, предполагающий квази-универсальную юрисдикцию, и(или) как двустороннее соглашение между государствами. Так или иначе, передача юрисдикции на основе договора является более приемлемой моделью, нежели автоматическая передача юрисдикции, закрепленная в УК Дании. Стоит отметить, что более эффективно было бы ввести положение, которое четко определяет необходимость исчерпать все возможные способы для того, чтобы предполагаемый преступник предстал перед следствием и судом в государстве, с которым у него существует юрисдикционная связь. Так, институт дипломатических гарантий является более предпочтительным. Однако эффективные механизмы защиты должны быть соблюдены.

Учитывая все вышеизложенное, мы считаем, что положение, предполагающее передачу юрисдикции РФ в случае невозможности осуществления выдачи лица иностранному государству, безусловно, является логичным решением правового пробела, описанного в данной статье.

Литература:

1. Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ «Уголовный кодекс Российской Федерации (в ред. от 29.07.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Malcolm N. Shaw. International Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2013. – 1288 p.
3. Democratic Republic of Congo v. Belgium, International Court of Justice, ICJ Reports, 2002, paras. 41 and 42. – URL: <http://www.icj-cij.org/files/case-related/121/121-20020214-JUD-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 15.10.2017).
4. Резолюция 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН «Международная конвенция о борьбе с захватом заложников», 1979. – URL: <http://www.un.org/ru/sections/documents/general-assembly-resolutions/index.html> (дата обращения: 15.11.2017).

5. Резолюция 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН «Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, 1999. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 15.11.2017).
6. Резолюция 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН «Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом», 1997. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 15.11.2017).
7. Резолюция 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», 1984. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 15.11.2017).
8. Галицкий З. Обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование («aut dedere aut judicare») в международном праве. – URL: <http://legal.un.org/ilc/reports/2004/russian/annex.pdf> (дата обращения: 06.10.2017).
9. Soering v. The United Kingdom, app. no. 14038/88. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87132> (дата обращения: 15.11.2017).
10. Ryabikin v. Russia, app. no. 8320/04. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-87132> (дата обращения: 15.11.2017).
11. Muminov v. Russia, app. no. 42502/06. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101558> (дата обращения: 06.10.2017).
12. Klein v. Russia, app. no. 24268/08. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98010> (дата обращения: 15.11.2017).
13. Khaydarov v. Russia, app. no. 21055/09. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-98832> (дата обращения: 15.11.2017).
14. Shamayev and Others v. Georgia and Russia, app. no. 36378/02. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-68790> (дата обращения: 15.11.2017).
15. Kolesnik v. Russia, app. no. 26876/08. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-99450> (дата обращения: 15.11.2017).
16. Garabayev v. Russia, app. no. 38411/02. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-80960> (дата обращения: 15.11.2017).
17. Othman (Abu Qatada) v. The United Kingdom, app. no. 8139/09. – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-108629> (дата обращения: 15.11.2017).
18. Alleweldt R. Protection against expulsion under Article 3 of the European Convention on Human Rights. // European journal of international law. – 1993. – Vol. 4(3). – P. 360–372.
19. Amnesty International; Torture. – URL: <https://www.amnesty.org/en/what-we-do/torture/> (дата обращения: 06.10.2017).
20. Гончаренко А.И. Европейская модель выдачи лиц, совершивших преступление // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6 – С. 211–214.
21. Уголовный кодекс Дании 2005. – URL: http://europam.eu/data/mechanisms/PF/PF%20Laws/Denmark/Denmark_Criminal_Code_2005.pdf (дата обращения: 06.10.2017).
22. Римский статут Международного уголовного суда, A/CONF.183/9. – 1998. – URL: [http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 15.11.2017).
23. Федеральный закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 28.11.2013 г. № 432-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».
24. Устав Организации Объединенных Наций, 1 UNTS XVI, 1945. – URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>.

Criminal Jurisdiction of the States towards the Persons Whose Extradition was Rejected

K.D. Shaibakova
Kazan (Volga Region) Federal University

The author looks into the existing legal basis for prosecuting and trying of alleged criminals in international law and Russian criminal law. The second part of the article presents various grounds under which an extradition will be rejected by the European Court of Human Rights. The third part implies a comparative analysis of existing provisions on criminal jurisdictions in legislation of Denmark and the Netherlands. The author concludes that the transfer of criminal jurisdiction on the basis of bilateral agreements is an acceptable practice to resolve the legal gap.

Key words: extradition of persons who have committed a crime, extradition, European Court of Human Rights, tortures, inhumane and degrading treatment, the UN, Russia, Denmark, the Netherlands.